

УДК 81.26+81.24, 811.161, 81.112, 82.0, 94

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/2

Этноним «Русин» в древнерусском юридическом нарративе

З.В. Асадов

Бакинский славянский университет
Азербайджан, AZ1014, г. Баку, С. Рустам, 33
E-mail: zahirasad1975@gmail.com

Авторское резюме:

Рассматривается функционирование этнонима «русин» в правовых памятниках Древней Руси в историко-лингвистическом и социально-правовом аспектах. Выявляется семантическая специфика данного термина в юридическом дискурсе и определении его роли в формировании надлокальной идентичности в условиях становления древнерусской государственности. Используется широкий круг источников, включающий международные договоры Руси с Византией и жителями Западной Европы, нормы «Русской Правды» в различных редакциях, а также торгово-правовые документы XII–XIII вв. Анализ показывает, что в правовых текстах «русин» выступает прежде всего как нормативно значимое обозначение субъекта права, включённого в систему княжеской юрисдикции и обладающего определённым объёмом правовой защиты. В отличие от локальных и племенных наименований, данный термин выполняет функцию правового обобщения и используется для регламентации межэтнических, имущественных и уголовных отношений. Обосновывается положение о том, что семантика этнонима «русин» не является статичной: в процессе развития правовых институтов он приобретает выраженное социально-правовое содержание, отражающее переход от родоплеменной организации к государственно оформленному обществу.

Ключевые слова: этноним «русин», Древняя Русь, юридический нарратив, этническая идентичность, социальная стратификация, правовое сознание, средневековое право

The ethnonym *Rusin* in the Old Rus' legal narrative

Zahir V. Asadov

Baku Slavic University
33 S. Rustam St., Baku, AZ1014, Azerbaijan
E-mail: zahirasad1975@gmail.com

Abstract

The article examines functioning of the ethnonym *Rusin* in the Old Rus' documentary heritage from historical-linguistic and socio-legal perspectives. The study aims to identify the semantic specificity of the term under study in legal discourse and to assess its role in constructing a supralocal – or all-Rus' – identity during the emergence of early Rus' statehood. Employing a methodology that integrates historical linguistics and socio-legal analysis, the study draws on a corpus of sources comprising international treaties (with Byzantium and Western European powers), the “*Russkaya Pravda*” norms in various redactions, and commercial-legal charters from the 12th and 13th centuries. The analysis demonstrates that in legal texts *Rusin* functions primarily as a normatively significant designation for a legal subject integrated into the system of princely jurisdiction and endowed with a defined scope of legal protection. Unlike local or tribal denominations, this ethnonym serves as a means of legal generalization, employed to regulate interethnic, property, and criminal relations. The article concludes that the semantics of *Rusin* were not static but evolved from a purely ethnic designation into a distinct socio-juridical category. This lexical shift reflects the broader development of legal institutions and underscores the transition from a kinship-based social order to a state-structured society.

Keywords: ethnonym *Rusin*, Old Rus', legal discourse, ethnic identity, social stratification, legal consciousness, medieval law

...То страхи на ляхи, а я-м русин!
(Семён Лыко, 1620)

Введение

К сожалению, история человечества редко оставляет нам прямые свидетельства прошедших событий, что порой порождает недоразумения и домыслы. В этом смысле изучение древнерусских письменных источников юридического характера оказывается более

перспективным, поскольку они опираются на законы, а последние, в отличие от многих других письменных памятников, сохраняются до наших дней (хотя иногда не в оригинальном виде). Такие документы позволяют проследить формирование правовых норм и их отражение в социальной практике, а также дают возможность реконструировать лексическое и культурное окружение эпохи. Иначе говоря, анализ древнерусского юридического нарратива, по нашему мнению, способен открыть путь к пониманию исторических трансформаций языка, выявлению смысловых нюансов и особенностей употребления терминов, которые могли быть утеряны в бытовой или литературной традиции. Изучение этих источников способствует более глубокому осмыслению взаимодействия права и культуры, а также выявлению способов, которыми юридические тексты влияли на формирование национально-культурной идентичности и социального порядка.

На фоне анализа древнерусских законодательных актов особенно интересным представляется вопрос происхождения и функционирования термина «русин» («роусинь»). Несмотря на многочисленные исследования по истории, истории языка и эндонимов [4: 92–100; 6: 365–370; 7: 168–175, 205–210; 20: 82–83; 21: 80–82 и др.], данный вопрос продолжает вызывать интерес у исследователей, поскольку его интерпретация влияет на понимание этнокультурной идентичности ранней Руси.

Следует отметить, что термин «русин» до настоящего времени не получил отдельного анализа и интерпретации именно в контексте юридических документов, хотя отдельные исследователи рассматривали его происхождение на основе анализа других источников, включая повествовательные тексты и бытовые документы Древней Руси [1–22]. Такой пробел подчеркивает необходимость комплексного подхода, который позволил бы выявить специфику употребления термина в правовом дискурсе и его функциональную роль в регламентации социальных отношений. Более того, изучение этого этнонима в юридическом контексте может пролить свет на взаимодействие этнической идентичности и правовых норм в раннесредневековом обществе.

Современные исследования этнонима «русин»

С.Г. Суляк в своей обширной статье, посвящённой истории русинов [17: 29–69], подчёркивает, что «понятие “русин” являлся самоназванием населения Древней Руси и происходил от слова “Русь”. Этноним встречается в литературных источниках начиная с X в., в том числе в договорах князей Олега и Игоря (всего 13 раз), а также в «Русской

правде». На протяжении длительного времени термин сохранялся на территории Древнерусского государства», а после его распада – на землях Малороссии, Белороссии, Великолоссии и Карпатской Руси [17: 29].

В исследовании З.И. Резановой и К.С. Шиляева изучение термина «русин» сосредоточено на способах его актуализации в различных контекстах русской речи на протяжении нескольких столетий. Авторы выявляют типовые контексты, дискурсы и жанры употребления этнонима, рассматривая результаты лингвистического анализа как отражение связанных с ним социальных явлений. В этом аспекте работа демонстрирует, как позиционируется русинский этнос – либо как единый с другими этническими группами, либо как противопоставленный окружающим, и фиксирует динамику изменения восприятия этнонима в разные исторические периоды [13: 239–251].

В работе Е.И. Зиновьевой исследуется функционирование лексем, обозначающих принадлежность человека к русскому этносу, в обиходном русском языке Московской Руси XVI–XVII вв. Автор анализирует жанровые особенности текстов, в которых употребляются эти лексемы, их сочетаемость, создаваемые противопоставления и денотативную отнесённость, а также формулирует гипотезу о постепенном становлении прилагательного «русский» в качестве гиперонима внутри соответствующей группы лексем. На материале картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» и данных этимологических и исторических словарей делается вывод, что все этнонимы в обиходном языке того времени функционировали как равноправные и находились в отношениях «согипонимии», а субстантивация прилагательного «русский» была обусловлена наличием производных наречий и тенденцией использовать существительное «люди» в сочетании с этим прилагательным, что усиливало его самостоятельность [4: 93–100].

В статье А.А. Романчука проводится критический анализ гипотезы Г.В. Дзибеля о происхождении этнонима «русь» от праславянского «род», демонстрируя, что она основана на анахронизмах, некорректных этимологических допущениях и ошибочных представлениях об исторических реалиях рассматриваемого периода. Автор указывает, что существующие лингвистические и исторические данные свидетельствуют о более древнем происхождении этнонима – значительно раньше X в., что ставит под сомнение привязку его генезиса к эпизоду формирования древнерусской государственности. Важным моментом анализа является утверждение, что любые попытки реконструировать этноним, основываясь на ограниченном корпусе источников и на немногих совпадениях с внешними названиями (например «sveag»

у скандинавов), требуют более строгой фонетической и лингвистической верификации. Для исследования подобных этнонимов, включая «русин», это означает необходимость критического подхода к источникам и отказа от упрощённых генеалогий, не подкреплённых лингвистической реконструкцией [14: 113–115]. Итак, работа подчёркивает важность комплексного историко-лингвистического анализа при изучении этнонимов, что созвучно задаче анализа термина «русин» в юридических и других древнерусских текстах.

В своём исследовании К.А. Максимович проводит критический анализ гипотезы происхождения этнонима «русин» через связь славянского «*rodīci → финское *Ruotsi → русь/русин». Автор показывает, что предложенная цепочка содержит ряд недоказанных допущений и фонетических несоответствий, особенно в передаче промежуточных гласных, что ставит под сомнение прямую связь с финским «Ruotsi». Основной посыл работы заключается в том, что термин «русин» нельзя надёжно реконструировать через эту гипотезу, и его происхождение следует искать в классической славянской этимологии, связанной с праславянской основой «*roud-». Автор подчёркивает, что изучение этнонима «русин» требует внимательного учета фонетических и культурно-исторических реалий, а не механического переноса гипотез из других языковых систем. В результате автор подтверждает, что термин «русин» как этноним сохраняет свои корни в праславянской традиции, что имеет важное значение для понимания этнической идентичности и исторической памяти славянских народов (см.: [8: 101–105]).

Анализ статьи Г.М. Тележки демонстрирует сложность этимологического происхождения этнонимов «Русь» и «русин», его широкое распространение в различных языковых и культурных традициях. Автор прослеживает возможный путь трансформации протославянской формы «*rudene» в латинские и германские варианты, включая «Rutenu» и «Ruthene», что подтверждает динамику адаптации этнонима в европейских источниках. Эта работа показывает, что из той же протославянской основы могли формироваться и другие родственные этнонимы, включая «rusi(i)n» и «русь», что важно для понимания исторической и лексической эволюции славянских самоназваний. В контексте нашего исследования термин «русин» можно рассматривать как локализованное продолжение этой цепочки этнонимов, зафиксированное в древнерусских юридических текстах. Результаты Г.М. Тележки дают основание для дальнейшего анализа «русина» как самоназвания и его функций в правовом дискурсе Древней Руси (подробнее см.: [18]).

В рамках настоящего исследования, учитывая объем и специфику работы, мы посчитали целесообразным сосредоточиться на анализе

наиболее релевантных и значимых публикаций по рассматриваемой проблематике. Выбор литературы осуществлялся с учетом их вклада в понимание этимологии и функционирования этнонима «русин» в историко-лингвистическом контексте. В ходе дальнейшего исследования планируется расширить обзор, включив и другие работы, которые могут дополнительно пролить свет на различные аспекты изучения данной темы.

Специфика употребления этнонима «русин» в древнерусских юридических документах

Поскольку функционирование этнонима «русин» в литературных и повествовательных источниках уже подробно изучено (см.: [1–22]), наше исследование сосредоточено на его употреблении именно в юридических документах Древней Руси. Мы стремимся показать, как термин использовался в правовом дискурсе и какие социальные категории он обозначал. Это позволит выявить специфические функции этнонима в регламентации правовых отношений. Анализ юридических текстов даёт возможность понять, как формировались представления о «своих» и «чужих» в рамках правовых норм. В итоге такой подход позволяет соединить лингвистические и культурные аспекты изучения этнонима [9: 8–11], открывая новые горизонты для историко-правового анализа.

Как известно, впервые термин «русин» мы встречаем в договоре Руси с Византией 911 г.: «О сем. Аще кто убьеть Христиана Русин или Христьян русина, да умереть, идеже аще сотворить убийство» [5: 4]; 944 г.: «Аще ли кто покусится от Руси взяти что от людии цесарьства нашего, иже то створить, покажен будеть вельми; аще ли взял будеть, да заплатит сугубо. а аще створить тоже Грьчин Русину, да приметъ ту же казнь, якоже приял есть и он» [5: 7] и 945 г.: «Аще ударить мечемъ или копьемъ, или кацемъ любо оружьемъ Русинъ Грьчина или Грьчин Русина, да того дея греха заплатитъ сребра литр 5, по закону рускому...» [5: 11]. В приведённых договорах термин «русин» функционирует прежде всего как юридически значимое этносоциальное обозначение лица, принадлежащего к общности Руси. Он используется в парных оппозициях «русин / христианин» и «русин / грек (грьчин)», что указывает на его роль маркера коллективной идентичности в этноконфессиональном правовом пространстве. Семантически «русин» не индивидуализирован (пока!), а выступает как типизированный носитель прав и обязанностей, равный другим сторонам договора в юридическом смысле. Контексты убийства, телесного повреждения и имущественного ущерба показывают, что

термин включён в систему правовых норм и служит для фиксации статуса субъекта права. Уже на раннем этапе «русин» проявляется не как этноним в узкоэтнографическом значении, а как нормативно закреплённое обозначение представителя Руси в международно-правовых отношениях.

В аналогичном употреблении встречаем данный термин в договоре князя Ярослава с немцами (1189 г.): «Оже тяжа родится бескрови, снидутся послуси, Русь и Немци, то вергуть жеребее, кому ся выимьть, роте шедь, свою правду възмутъ. Оже емати скоть Варягу на Русине или Русину на Варязе, а ся его заприть, то 12 мужь послухы: и деть роте, възметь свое» [10: 130–131]. И здесь «русин» употребляется как правовой маркер этнополитической принадлежности, симметрично соотносённый с обозначениями других этно-социально-правовых групп («немци», «варяги»). Он функционирует не как локальный топонимический признак, а как обобщённое наименование представителя Руси, выступающего субъектом договорно-имущественных отношений. Тем самым подтверждается устойчивая семантика этнонима «русин», закреплённая в межэтнических и международных соглашениях и ориентированная на урегулирование конфликтов и защиты прав русской стороны.

Далее в юридическом нарративе мы встречаем этот термин в «Смоленской торговой Правде» за 1229 и 1274 гг.: «Бъ того не даи, оже розбои... грехомъ пригодиться межи Немци и межи Роуси, что за что платити, абы мир неразроушон, абы Роусиноу и Немчию любо было» [2: 157]; «Аже извиниться Роусин оу Ризе, или на Гочкъмь березе, оу дыбоу го не сажати»; «Тако оузяти Роус̃ноу оу Ризе ũ на Готскомь березе» [2: 158] и др. Термин «русин» в «Смоленской торговой Правде» фиксируется с высокой частотностью (35 употреблений), что свидетельствует о его устойчивости и нормативной закреплённости в правовом дискурсе. Сопоставление соответствующих статей с аналогичными по структуре узаконениями («Аже извиниться Латинин оу Смольнеске, не мѣтати го оу погреб; аже не боудете порукуы, то оу жельза оусадить»; «Или Немечьский гость извинится Смоленське, не лзе его въверечи в погреб; ожо не боудеть по нь пороукуы, лзе его в железа въсадити»; «Аже Латинин дасть Роусиноу товар свой оу дело Смольнске заплатити Немчиноу пьрве, хотя бы ѓньмоу комоу виноват был Роусиноу» [2: 158] и др.) позволяет утверждать, что «русин» в этих примерах последовательно противопоставляется латинянам и немцам по национально-этническому признаку. Ср. также: «Роусиноу не вести Латинина ко жельзоу горячемоу, аже сам възсочете»; «А Латининоу тако Роусина не вести, аже сам възсочете...»; «Роусиноу же не лзе имати Немчича на же-лезо, такоже и Немчию Роусина» [2:

160]. Такое противопоставление указывает на функционирование термина как этнонима, маркирующего принадлежность к «своему» коллективу в системе торгово-правовых отношений.

Кроме того, в «Смоленской Правде» мы фиксируем своеобразное противопоставление «смолнян» (жителей Смоленска) и «русина». Ср.: «Аже Смолняне не дадоуть моу вль, Смольнянемь платити самым, дълг платити. Тая правда оузяти Роусиноу оу Ризе ў на Гочкомь бере-зе»; «Аже Латинеский гость Смолняны при дет на Вльк, тоть мьтати жеребеи, кого напьрьдь вести ко Смольньскоу»; «А како оуслышити Волочьский тивоун, ожо гость Немечьский с Смолняны приехал на Волок, послами емоу члв́ка своего в борзе к Волочаном, ать пере-везоуть Немецьский гость и Смолняны с товаромь, а никтоже иметь им пакостити, зане... в той пакости велика пагоуба бывает Погани Смолняном и Немцом» [2: 162]. Это, по нашему мнению, говорит о том, что в ту эпоху, в эпоху появления первых экономических урегулирований, термин «русин» уже не тождествен локальной городской идентичности и используется как более широкое «надлокальное» обозначение. «Смолняне» в данном случае репрезентируют конкретную территориально-городскую общину, тогда как «русин» выступает маркером принадлежности к более обобщённому этнополитическому и правовому пространству Руси. Такое разграничение позволяет говорить о ранней дифференциации между местной и общерусской идентичностью в юридическом дискурсе.

М.Н. Тихомиров также указывал на то, что к числу «русинов» не относили себя и население Смоленска, что явно следует из летописного рассказа о походе Изяслава Мстиславича на Волгу (1148 г.). В частности отмечается, что «на устье Медведицы он соединился с новгородцами, а потом пришел его брат Ростислав “с всеми рускими силами, полки, и с Смоленскими”» [19: 25]. Данный пример, по наблюдению исследователя, демонстрирует чёткое разграничение между «русскими силами» и смоленским компонентом. Он подчёркивал, что даже Галицкая волость, что представляется весьма значимым, также не воспринималась как Русь: после победы в 1152 г. над Владимиром Галицким король Венгрии отправился «в Угры, а Изяслав у Русскую землю» [19: 25]. На основании этих свидетельств учёный делает вывод: «Значит, можно с полным основанием считать, что в XII–XIII вв. название “Русь” обозначало определенную область: киевскую землю в узком смысле этого слова» [19: 26].

Однако примечательно, что именно «русин» оказывается субъектом правовых норм, действующих за пределами конкретного города, включая трансрегиональные торговые зоны. Тем самым термин функционирует как средство правового обобщения и интеграции

разнородных локальных общин в единую систему социально-экономических отношений. Важно отметить, что «русин» в этих статьях выступает не абстрактным обозначением, а носителем конкретного правового статуса, соотносимого с аналогичными статусами иностранных купцов. Его употребление отражает бинарную модель «свой – чужой», характерную для средневекового правового сознания, где этническая идентичность напрямую коррелирует с правовыми нормами и процедурами. Тем самым термин «русин» закрепляется как ключевой элемент этноправовой стратификации торгового пространства Древней Руси.

Отдельно стоит вопрос об употреблении термина «русин» в «Русской Правде» по Новгородской Кормчей 1282 г. Так, в статье 1 Краткой редакции Правды мы читаем: «Убить мужь мужа, то мстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мстыя, то 40 гривен за голову; аще будеть русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечникб, аще изъгои будеть, любо словенин, то 40 гривен положить за нь.» [15: 47]. То же самое мы находим в статье 1 Пространной редакции [15: 64]. При анализе текста «Русской Правды» выявляется, на первый взгляд, парадоксальная особенность: данный памятник древнерусского права разводит категории «славяне» («словенин») и «русин» как разные социально-правовые группы.

Представляет интерес в этом отношении позиция М.Н. Тихомирова, согласно которой в восприятии новгородцев понятие «Русь» соотносилось прежде всего с древнерусскими землями с центром в Киеве. В подтверждение данного тезиса исследователь приводит ряд летописных свидетельств, раскрывающих семантику этнотерриториального обозначения «Русь»: «...в 1135 г. “иде в Русь архиепископ Нифонт с лучшими мужи”, а в 1142 г. сообщается, что новгородцев не пускали из Руси, пока они не приняли князя Святополка» [19: 23]. Указывая на специфику самоназвания, учёный подчёркивает: «В отличие от жителей южной Руси, которых называли русинами, новгородцы называли себя словенами. Это противопоставление русина словенину с наибольшей четкостью бросается в глаза в краткой редакции Русской Правды, которая, судя по всему, возникла в Новгороде. В свою очередь, киевляне называли свою землю Русью в отличие от Новгородской земли (“бежашю же Святославу из Новагорода идущю в Русь к брату”)» [19: 23–24]. Данные наблюдения позволяют говорить о раннем формировании регионально дифференцированного самосознания в древнерусском пространстве. Понятие «Русь» в новгородском дискурсе выступает не универсальным этнонимом, а маркером «чужой» – киевской – политико-территориальной реальности. Тем

самым фиксируется важный процесс семантического расслоения этнонима «русин», отражающий сложную динамику центров власти и идентичности в Древней Руси.

С другой стороны, анализ правовых норм позволяет заключить, что «русин» предстает как полноправный представитель социально привилегированного слоя, включающего лиц дружинного круга, купечества и княжеско-боярской администрации (гридей, купцов, ябетников, мечников). Данный термин в юридическом дискурсе обозначает не этническую принадлежность в узком смысле, а прежде всего особый социально-правовой статус, закреплённый государственным правом. «Русин» включён в структуру власти и управления и выступает субъектом, находящимся под прямой защитой княжеской юрисдикции. Независимо от его происхождения – местного (новгородского, словенского) либо пришлого, – за ним признаётся полный объём правовой охраны. Это проявляется в гарантированной вине за посягательство на его жизнь, телесную неприкосновенность и имущество. Тем самым право фиксирует выход данной категории за рамки родоплеменной организации.

Казуистический характер изложения правовых норм в «Русской Правде» (ср., например, статью 3 Краткой редакции, где перечисление орудий нанесения удара заведомо не носит исчерпывающего характера; ср.: «Аще ли кто кого ударить батогом, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогом, или тылеснию, то 12 гривне: аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конець.» [15: 47]) он позволяет сделать вывод, что в соответствующих статьях фиксируется не только развернутый перечень субъектов кровной мести по признаку мужской принадлежности к большой патриархальной семье (отец, сын, братья, племянники) и социальной стратификации общества (русин, ябетник, купец, мечник и т. п.), но и дифференциация по признаку национальной либо территориальной идентификации. Такое разграничение указывает на осознанное включение этнического фактора в правовую регламентацию общественных отношений. Этноним «русин» в данном контексте приобретает статус юридически значимого маркера, отражающего специфику социальной стратификации древнерусского общества. Тем самым «Русская Правда» фиксирует не только нормы обычного права, но и более глубокие представления о коллективной принадлежности и границах правового сообщества.

Стало быть, «русин» оказывается носителем надплеменной идентичности, формирующейся в контексте раннегосударственных институтов. Его статус определяется не кровнородственными связями, а включённостью в служебно-административную и хозяйственную систему княжеской власти. В этом смысле термин отражает процесс

социальной стратификации и институционализации власти в Древней Руси. «Русин» противопоставляется как зависимому населению, так и иноземцам, находясь в промежуточной, но привилегированной позиции. Правовая норма тем самым легитимирует новую социальную реальность, в которой личная ценность индивида определяется его функцией в государственном механизме. Следовательно, употребление термина «русин» в правовых памятниках свидетельствует о формировании особой социальной группы, связанной с княжеской властью и обслуживающей её интересы. Это позволяет рассматривать «русина» не только как этноним или «социоэтноним», но и как юридическую категорию. Его правовой образ отражает ранние стадии перехода от племенной организации к государству. В данном контексте «русин» становится маркером принадлежности к новой политико-правовой общности. Такой подход существенно расширяет традиционные интерпретации термина и подчёркивает его значимость для понимания социальной структуры и правовой культуры Древней Руси.

А.П. Новосельцев и соавторы, ссылаясь на известное исследование Л.В. Черепнина («Общественно-политические отношения в Древней Руси и “Русская правда”»), отмечают, что «социальные категории, упомянутые в Краткой редакции “Русской правды”, – позднейшая вставка; первоначально за русином (по Л.В. Черепнину, русин – выходец из Древней Руси) сразу следовал “словенин” (т. е. новгородец); перечисленные впоследствии социальные категории могли относиться и к статусу русина, и к положению словенина» [11: 134]. Известно, что исторические источники предков русского народа середины I тысячелетия фиксируют под различными наименованиями, что отражает сложность и многоэтапность процессов этнополитического формирования. Не углубляясь в детальный разбор этой проблематики, отметим, что, как показывает анализ В.В. Седова, античная традиция не знает этнонима «славяне» как устойчивого обозначения [16: 29–37]. При этом, как подчеркивается в византийских источниках, «византийские авторы VI–VII вв. различают славян и антов, хотя и отмечают, что они говорят на одном языке...» [16: 124]. В преддверии образования Древнерусского государства и на ранних этапах его существования восточные славяне, как правило, именовались по племенным и надплеменным объединениям (поляне, древляне, кривичи, вятичи и др.) [3: 519–527]. Одновременно с этим в древнерусской письменной традиции начинает фиксироваться (в различных графических и фонетических вариантах) наименование «рус»/«русь»/«рос» и т. п. Его употребление засвидетельствовано в тексте «Русской Правды», в уставных и судных грамотах XII–XV вв.,

а также в княжеских грамотах XII–XIV вв. Примечательно, что, по наблюдению Б.Д. Грекова, на существование данного этнонима указывают и зарубежные авторы, обращавшиеся к описанию Руси и её населения: «...уже в VI веке о росах говорит Псевдо-Захария, позже – Масуди, Ибн Хордадбе и мн. др.» [3: 520]. Это свидетельствует о достаточно раннем и устойчивом бытовании данного наименования в международном культурно-историческом контексте. В совокупности такие данные позволяют говорить о параллельном существовании племенных и надплеменных обозначений, отражающих процесс формирования новой этнополитической общности. Именно в этом контексте термин «русь» приобретает особое значение как маркер зарождающейся государственности и надплеменной идентичности.

Исходя из представленных наблюдений, можно полагать, что в приведённых примерах термин «русин», заимствованный из Краткой редакции «Русской Правды», в Пространной редакции сохраняет близкое по смыслу значение (подробнее см.: [22: 38–51]) и, по-видимому, продолжает обозначать жителя Южной Руси, «Русской земли» в её узком, территориально-политическом понимании. Показательно, что в переработках XIII–XIV вв., зафиксированных в списках Пушкинской группы редакций «Русской Правды», значительная часть которых имеет новгородское происхождение, лексема «русин» заменяется словом «горожанин». Подобная замена указывает на процесс формирования в правовом сознании того времени особой категории свободного, но непривилегированного городского населения, выступающего самостоятельным субъектом права и отличного как от княжеско-боярского окружения, так и от сельских жителей. Не исключено, что именно эта социально-правовая характеристика начинает закрепляться за термином «русин» на определённом этапе его функционирования. В то же время материалы московской Карамзинской группы редакций «Русской Правды», в которых «русин» и «горожанин» фактически сближаются или отождествляются, свидетельствуют о распространении данного значения и за пределами новгородской традиции, прежде всего в условиях развивающейся городской жизни других регионов Древней Руси [1: 128–131]. Показательно, что аналогичное употребление фиксируется и в «Договоре Смоленска с Ригой 1229 г.», где в статье 6 используется формула «а будет виноват немчицю русин, а отъиметь князь все, жену и дети у холопство», а в статье 8: «...русину не вести латинина ко железу горячему, аже сам въсхочеть» [5: 158]. Эти примеры подтверждают устойчивость рассматриваемого термина в юридическом дискурсе и его функциональную нагруженность в нормах права.

В целом анализ показывает, что семантика этнонима «русин» в правовых памятниках не является статичной и претерпевает заметную эволюцию. Первоначально связанный с территориальной принадлежностью к «Русской земле», данный термин постепенно приобретает социально-правовое наполнение. Его употребление отражает процесс формирования городской общины как особого правового субъекта. Одновременно «русин» выступает маркером включённости индивида в правовое пространство княжеской власти. Данный термин оказывается важным индикатором трансформации социально-правовой структуры древнерусского общества и развития его юридического сознания.

Заключение и выводы

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о многоаспектном характере термина «русин» в системе древнерусских представлений о принадлежности, праве и социальной иерархии. Рассмотрение широкого круга источников (от международных договоров до норм внутреннего права) демонстрирует, что в рассматриваемый период (X–XIII вв.) данный термин не сводится ни к чисто этническому, ни к исключительно территориальному обозначению. Его значение формируется на пересечении политических, социально-правовых и культурных факторов, отражающих процесс становления раннегосударственных институтов.

Материалы юридических памятников показывают, что «русин» функционирует как обозначение лица, включённого в сферу действия княжеской юрисдикции и обладающего определённым объёмом правовой защиты. В отличие от локальных наименований, связанных с городской или племенной принадлежностью, данный термин выступает инструментом надрегионального обобщения, необходимого для регулирования торговых, имущественных и уголовно-правовых отношений. Это свидетельствует о том, что правовая практика опережала формирование устойчивых этнических самоназваний в их современном понимании.

Особую значимость имеет выявленная динамика смыслового наполнения термина: от обозначения выходца из конкретной политической территории к более абстрактной категории субъекта права. Подобная эволюция отражает трансформацию древнерусского общества – от родоплеменной структуры к более сложной социальной организации, основанной на служебных и экономических связях.

Таким образом, «русин» в правовых источниках предстает не просто как имя группы, но как показатель включённости индивида

в формирующееся правовое пространство Руси. Его употребление фиксирует важный этап институционализации власти и становления правового сознания, что делает данный термин ключевым для понимания социальной истории Древней Руси.

P.S. «Многое можно увидеть в исторических далях, если посмотреть из-под ладони неторопливо и внимательно. Многого бы мы лишились, если бы не благодатный свет Азбуки, начертанной солунскими братьями, если б не благодатные письмена, – семена, давшие силу и мощь великому Родословному Древу» [12: 381].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асадов З.В.* О языковом выражении социальной дифференциации древнерусского общества (на материале юридических памятников письменности Древней Руси XII–XV вв.) // Таґіуев охуларҭ. Вак: Мүтәрҭим, 2012. С. 127–133.

2. *Голубовский П.В.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1895. 336 с. URL: http://history-fiction.ru/books/all_1/section_1_1/sort_3_1_6/book_115 (дата обращения: 12.09.2025).

3. *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.: Госиздат-во полит. лит., 1953. 568 с.

4. *Зиновьева Е.И.* Этнонимы русин, русак и русский в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв. // Русин. 2017. № 1 (47). С. 92–105.

5. История отечественного государства и права (X–XVII вв.). Хрестоматия / сост.: Л.В. Карнаушенко, М.В. Хомутов. Краснодар: Краснодар. ун-тет МВД России, 2018. 248 с.

6. *Кузьмин А.Г.* Начала Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003. 412 с.

7. *Ловмянский Х.* Русь и норманны / пер. с пол. М.Е. Бычковой. М.: Прогресс, 1985. 304 с.

8. *Максимович К.А.* *Rodiči – ruotsi – русь: критические заметки к новой этимологии старого этнонима // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 100–106.

9. *Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.* Культура и текст. Введение в лакунологию. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 306 с.

10. Мирный договор князя Ярослава Владимировича с немецкими послами 1189–1199 гг. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/RP/goth.htm> (дата обращения: 17.06.2025).

11. *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* (ред.). Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. 476 с.

12. *Осетров Е.И.* Родословное Древо. М.: Молодая гвардия, 1979. 380 с.

13. Резанова З.И., Щиляев К.С. Этнонимы «русин», «русинский» в русской речи: корпусное исследование // Русин. 2015. № 1 (39). С. 239–255.
14. Романчук А.А. Русь как род: критический анализ гипотезы Г.В. Дзибеля // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 112–118.
15. Российское законодательство X–XX вв. Т. 1: Законодательство Древней Руси (под ред. В.Л. Янина). М.: ЮЛ, 1984. 430 с.
16. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979. 155 с.
17. Суляк С.Г. Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–55.
18. Тележко Г.М. О происхождении этнонима русь с учётом гипотезы об этногенезе славян в восточном средиземноморье // Universum: филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2022. № 1 (91). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/12920> (дата обращения: 12.09.2025).
19. Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. 383 с.
20. Унбегаун Б. Русское и древнеславянское в юридической терминологии // IV Международный съезд славистов (материалы дискуссии). Т. 2: Проблемы славянского языкознания. М., 1962. С. 82–83.
21. Шмидт К.Р. Об исследовании социальной терминологии в русских средневековых текстах // IV Международный съезд славистов (материалы дискуссии). Т. 2: Проблемы славянского языкознания. М., 1962. С. 80–82.
22. Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М.: ГИЮЛ, 1953. 380 с.

REFERENCES

1. Asadov, Z.V. (2012) O yazykovom vyrazhenii sotsial'noy differentsiatsii drevnerusskogo obshchestva (na materiale yuridicheskikh pamyatnikov pis'mennosti Drevney Rusi XII–XV vv.) [On the Linguistic Expression of Social Differentiation in Old Rus' Society (Based on Legal Written Monuments of the 12th–15th Centuries)]. In: *Tagievskie chteniya* [The Tagiyev Readings]. Baku: Mutarjim. pp. 127–133.
2. Golubovskiy, P.V. (1895) *Istoriya Smolenskoj zemli do nachala XV stoletiya* [History of the Smolensk Land up to the early 15th Century]. Kiev: Imperial University of St. Vladimir. [Online] Available from: http://history-fiction.ru/books/all_1/section_1_1/sort_3_1_6/book_115 (Accessed: 17th June 2024).
3. Grekov, B.D. (1953) *Kievskaya Rus'* [Kievan Rus']. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
4. Zinovieva, E.I. (2017) Etnonimy rusin, rusak i russkiy v obikhodnom yazyke Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv. [The Ethnonyms Rusin, Rusak, and Russkiy in the

Vernacular Language of Muscovite Rus', 16th – 17th Centuries]. *Rusin*. 1(47). pp. 92–105.

5. Karnaushenko, L.V. & Khomutov, M.V. (eds) (2018) *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava* (X–XVII vv.). Khrestomatiya [History of the Russian State and Law (10th – 17th Centuries). A Reader]. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

6. Kuzmin, A.G. (2003) *Nachala Rusi. Tayny rozhdeniya russkogo Naroda* [The Origins of Rus'. Mysteries of the Emergence of the Russian People]. Moscow: [s.n.].

7. Lovmyanski, H. (1985) *Rus' i normanny* [Rus' and the Normans]. Translated by M.E. Bychkova. Moscow: Progress.

8. Maksimovich, K.A. (2021) *Rodiči – Ruotsi – Rus': kriticheskie zametki k novoy etimologii starogo etnonima* [Rodiči – Ruotsi – Rus': Critical Remarks on a New Etymology of an Old Ethnonym]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 100–106.

9. Markovina, I.Yu. & Sorokin, Yu.A. (2010) *Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiyu* [Culture and Text. An Introduction to Lacunology]. Moscow: GEOTAR-Media.

10. Hist.msu.ru. (n.d.) *Mirnyy dogovor knyazya Yaroslava Vladimirovicha s nemetskimi poslami 1189–1199 gg.* [Peace Treaty of Prince Yaroslav Vladimirovich with German Envoys, 1189–1199]. [Online] Available from: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/goth.htm> (Accessed: 17th June 2025).

11. Novoseltsev, A.P., Pashuto, V.T., Cherepnin, L.V., Shusharin, V.P. & Shchapov, Ya.N. (eds) (1965) *Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie* [The Old Rus' State and Its International Significance]. Moscow: Nauka.

12. Osetrov, E.I. (1979) *Rodoslovnnoe drevo* [The Genealogical Tree]. Moscow: Molodaya gvardiya.

13. Rezanova, Z.I. & Shchilyaev, K.S. (2015) The Ethnonyms “Rusin” and “Rusinskiy” in Russian Speech: A Corpus-Based Study. *Rusin*. 1(39). pp. 239–255.

14. Romanchuk, A.A. (2021) *Rus' kak rod: kriticheskiy analiz gipotezy G.V. Dzibelya* [Rus' as Kin: A Critical Analysis of G.V. Dzibel's Hypothesis]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 112–118.

15. Yanin, V.L. (ed.) (1984) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* [Russian Legislation from the 10th to the 20th Centuries]. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

16. Sedov, V.V. (1979) *Proiskhozhdenie i rannyya istoriya slavyan* [The Origin and Early History of the Slavs]. Moscow: Nauka.

17. Sulyak, S.G. (2007) *Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee* [Rusins in History: Past and Present]. *Rusin*. 4(10). pp. 29–55.

18. Telezhko, G.M. (2022) *O proiskhozhdenii etnonima Rus' s uchedom gipotezy ob etnogeneze slavyan v vostochnom Sredizemnomore* [On the Origin of the Ethnonym Rus' with Consideration of the Hypothesis of Slavic Ethnogenesis in the Eastern Mediterranean]. *Universum: Filologiya i iskusstvedenie*. 1(91).

[Online] Available from: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/12920> (Accessed: 17th June 2024).

19. Tikhomirov, M.N. (1979) *Russkoe letopisanie* [Russian Chronicle Writing]. Moscow: Nauka.

20. Unbegaun, B. (1962) Russkoe i drevneslavyanskoe v yuridicheskoy terminologii [Russian and Old Slavic Elements in Legal Terminology]. In: *Trudy IV Mezhdunarodnogo s"ezda slavistov* [Proceedings of the Fourth International Congress of Slavists]. Vol. 2. Moscow: [s.n.]. pp. 82–83.

21. Schmidt, K.R. (1962) Ob issledovanii sotsial'noy terminologii v russkikh srednevekovykh tekstakh [On the Study of Social Terminology in Russian Medieval Texts]. In: *Trudy IV Mezhdunarodnogo s"ezda slavistov* [Proceedings of the Fourth International Congress of Slavists]. Vol. 2. Moscow: [s.n.]. pp. 80–82.

22. Yushkov, S.V. (1953) *Russkaya Pravda. Proiskhozhdenie, istochniki, ee znachenie* [Russkaya Pravda: Its Origin, Sources, and Significance]. Moscow: GIYuL.

Асадов Захир Вахид оглу – доктор философии по филологическим наукам, доцент, докторант кафедры Общего и русского языкознания Бакинского славянского университета (Азербайджан).

Zahir Vahid Asadov – Baku Slavic University (Baku, Azerbaijan).

E-mail: zahirasad1975@gmail.com